

Рациональность, истина, коммуникация

Б.И. Липский

Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.). В 7 томах. Т. 3. Онтология, гносеология, логика и аналитическая философия – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. – С. 85-87.

[85]

Интуитивное понимание рациональности предполагает, что мера истинности наших представлений коррелируется с мерой их рациональности. Чем ближе к истине наше рассуждение, тем оно рациональнее, и, наоборот, чем оно рациональнее, тем ближе к истине. Однако, само понимание рациональности в последнее время утрачивает былую ясность и однозначность, что, в свою очередь, проблематизирует ее взаимоотношения с истинностью.

Сейчас можно говорить о трех основных подходах к пониманию рациональности: рациональность как соответствие неким универсальным структурам разума (структурная рациональность), рациональность как соответствие универсальным принципам единой нормативной методологии (операциональная рациональность), и рациональность как функциональное соответствие определенной социокультурной системе (функциональная рациональность).

Структурная (классическая) концепция рациональности полагает разум как фундаментальную основу одновременно и бытия, и мышления. В таком случае рациональность означает воспроизведение в индивидуальном уме мыслящего человека идеального проекта, в соответствии с которым некий Абсолютный Субъект творит окружающий мир, а истинность понимается как соответствие человеческого знания этому идеальному проекту. Абсолютный Субъект обладает всеми основными чертами гегелевского субъекта-субстанции, поэтому данная концепция рациональности может быть обозначена как субстанциональная.

Каждый отдельный познавательный акт понимается здесь как часть, фрагмент совокупной познавательной деятельности Абсолютного (трансцендентального) Субъекта, а истина — как необходимая и всеобщая, а потому лишенная всякой исторической, культурной, социальной, и вообще любой индивидуализирующей специфики. По существу, это означает, исключение возможности двух познавательных позиций, поскольку всякая иная позиция не может породить ничего кроме лжи и заблуждений. Можно сказать, что парадигма классической рациональности предполагает своеобразный закон «исключенного Второго».

Тип операциональной (методологической) рациональности формируется в эпоху бурного развития экспериментальной науки. Отвергая наличие какого бы то ни было идеального проекта, сторонники данного понимания рациональности уже не

полагаются на чистое умозрение, а предлагают сосредоточить внимание на последовательном и методичном исследовании явлений природы. Предполагается, что если такое исследование будет продолжаться достаточно долго, в наблюдаемых явлениях «сам по себе» обнаружится определенный порядок. Рациональность понимается здесь как систематичность, внутренняя согласованность, а истинным признается

[86]

знание, полученное при строгом соблюдении логических и методологических приемов и правил и составляющее некоторое внутренне непротиворечивое единство — научную картину мира.

Вплоть до середины XX века подавляющее большинство исследователей явно или неявно признавали именно такой идеал рациональности, по крайней мере применительно к сфере научного познания. Наука при этом рассматривалась как совокупность взаимосогласованных утверждений о фактах, а устранение разногласий предполагалось как результат беспристрастного следования неким безличным алгоритмизированным процедурам доказательства. Задачу философии как раз и видели в экспликации и обосновании таких процедур, интуитивно применяемых учеными-естествоиспытателями.

Однако идея единства метода, как основной характеристики научной рациональности, оказалась, в результате, такой же абстракцией, как и идея тождественности структур мира и разума. Для системы познания, вырастающей из идеалов субстанциональной или операциональной рациональности было характерно стремление к окончательной замкнутости и завершенности всякого теоретического построения. Можно сказать, что мышление, построенное по указанным схемам — это безлично-монологическое мышление, либо осуществляемое от лица некоего абстрактно-универсального субъекта, либо построенное в соответствии со столь же абстрактно-безличным алгоритмом.

Однако еще в середине прошлого века ныне незаслуженно забытый Людвиг Фейербах говорил о невозможности такого абсолютно безличного знания. «Истина, — говорил он, — ...есть посредничество между Ты и Я... у нас нет равнодушия; стремление сообщить — коренное стремление... Мысль, единящая меня и тебя, — истинная мысль... самое единение и есть истина. Что объединяет, то истинно и хорошо». Фейербах обращает внимание на глубоко личностный характер человеческого знания, раскрывая перспективу, в которой на передний план выдвигаются уже не субстанциональные или операциональные, а коммуникативные аспекты рациональности.

[87]

Действительный «жизненный мир» человека составляет не только природная среда, но, прежде всего, — другие люди. Поэтому всякая когнитивная деятельность

(познание действительности, оценка обстоятельств, принятие решений) всегда происходит в рамках определенных социокультурных образований с непременной «оглядкой» на мнения и реакции окружающих. Идеалы рациональности, ориентирующий мышление на абстрактно-логические критерии истины предполагает полное игнорирование всех коммуникационных отношений. Современная философия признает невозможность постижения человеческого бытия и общения исключительно средствами естественнонаучного дискурса и стремится преодолеть монологизм классической традиции, обращаясь, прежде всего, к сфере коммуникативных отношений.

Обращение к теме социокультурной обусловленности познания, указывает на его историческую и культурную относительность, что оказывается разрушительным для «монологических» концепций рациональности и является началом совершенно иной концепции. Если в классических вариантах рациональности доминируют безличные логико-методологические процедуры установления истины безразличные к индивидуальным особенностям человека, то новая парадигма предполагает обращение к личностно модулированным структурам сознания и общения, т.е. именно к тому, что отличает одного человека от другого. Поэтому основанием для взаимопонимания выступает здесь не самотождественность разума или универсальность метода, а достижение консенсуса путем диалога, взаимных компромиссов и согласований.

Универсальная логика теории не является больше единственным аргументом легитимирующим ее социальное функционирование. И хотя даже в классических вариантах рациональности суггестивные моменты существенным образом влияли на признание истинности теоретических построений, в новой парадигме их значение становится преобладающим. Не существует абсолютно-безличного критерия истины, потому ее «последним основанием» становится не теоретическое оправдание, а практический выбор, признание ее максимально широким кругом людей.

В новой рациональности истина выступает как практическое основание социальной консолидации, которая всегда принадлежит к определенному народу, времени, культуре и т.д. Поэтому, в отличие от «безразмерной» истины классической рациональности, истина новой рациональности обретает вполне определенные пространственные, временные и социальные измерения. Эта тенденция к переориентации философского сознания от нормативного идеала системы универсально-безличных истин к совокупности индивидуально и социально значимых смысловых определений становится доминирующей на рубеже истекающего и наступающего столетий. И в общем русле данной тенденции происходит реабилитации обычного здравого смысла, который долгое время третировался как несоответствующий жестким требованиям идеала научной рациональности. Но ведь именно здравый смысл выступает реальной основой коммуникаций обыденного общения, которые, по выражению Ю. Хабермаса, и составляют «дом intersубъективности» и «жизненный мир» человека».